

18+

Борис АЛЕКСЕЕВ

РУСИЧИ

ПРОЗА XXI ВЕКА

ИП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Борис Алексеев

Русичи. Проза XXI века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63524182

ISBN 9785794908213

Аннотация

«Русичи» – повесть о непростой судьбе трёх молодых мужчин, оказавшихся «между молотом и наковальней» в смутные годы перестройки России на рельсы капиталистических отношений. Действие происходит в Москве, однако сюжетная линия «гуляет» по российским просторам вплоть до сибирских поселений староверов на Малом Енисее. Сохранить в себе приверженность к добру и внутренней правде, несмотря на нелепые и жестокие искушения окружающих обстоятельств, – долг человека и главный лейтмотив книги.

Содержание

РУСИЧИ	6
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
ЧАСТЬ 1. ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ СУДЕБ	9
1. Ночная переделка	9
2. Греко-славянская Пандора	13
3. Степанов мебельный салон	17
4. Досье на жертву перестройки	23
5. Под самое небо	28
6. Лестница в небо	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Русичи

Проза XXI века

Борис Алексеев

ИП «Литературная Республика»

Благодарности:

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Директор издательства: Бояринова О.В.

Руководитель проекта: Крючкова А.А.

Редактор: Петрушин В.П.

Вёрстка: Измайлова Т.И.

Обложка: Крушинина В.А.

Книга издаётся в авторской редакции

Возрастной ценз 18+

Печать осуществляется по требованию

Шрифт Serif Ingenue 11

ISBN 978-5-7949-0821-3

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Издательство

Московской городской организации

Союза писателей России

121069

Россия, Москва

ул. Б. Никитская, дом 50А/5

2-ой этаж, каб. 4

В данной серии издаются книги

авторов, пишущих на русском языке

в XXI веке

Электронная почта: litress@mail.ru

Тел.: + 7 (495) 691-94-51

© Борис Алексеев, 2022

ISBN 978-5-7949-0821-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РУСИЧИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Многоуважаемый читатель!

Прямо сейчас (на ваших глазах!) литературный калькулятор, встроенный в чудо вселенской техники – машину времени, «отмотает» назад тридцать с небольшим лет, и мы с вами окажемся свидетелями весьма драматических событий. Да, этот период отечественной истории занёс над головой ослеплённых лёгкой наживой сограждан остроконечный Дамоклов меч, прикрепив его на тонкий конский волос судьбы. И кровоточивый глянец эксперимента с доверчивым российским менталитетом до сих пор смущает наши сердца. Но нет худа без добра. Российская история учит нас быть осмотрительными, когда дело касается очередных «новейших» преобразований отечественной парадигмы.

Сюжетная линия книги поможет нам вспомнить то странное время, когда советская государственность рушилась, как карточный домик, а долговязый маэстро доллар, помахивая сотенной ассигнацией, бродил, как сказочный Гулливер, на развалинах несостоявшейся коммунистической империи. Шевеля напомаженными остроконечными усиками, он что-то напевал себе под нос про хеппи бёздей и йеллоу сабмарин.

Маэстро часто присаживался на корточки и выдёргивал из толпы испуганных «коммуняк» особых наукоёмких человечков. Повертев очередного очкарика в воздухе и внимательно оглядев его со всех сторон (так поступают при покупке рыбы или раба), он складывал добычу в кожаную сумку времён «золотой лихорадки». Плотно прикрыв содержимое сумки рыжим потёртым отворотом, маэстро смачно защёлкивал увесистые бронзовые застёжки.

– Aha, we've got the lovebirds! – бубнил он, жмурясь от превосходящего всякую меру удовольствия. – I will teach them to sing «Glory to America!»

Наукоёмкие очкарики исчезали в оранжевой сумке, и никто их больше не видел. Поговаривали разное. Впрочем, для большинства бывших советских граждан перемены в судьбе отдельных соотечественников не были сколько-нибудь значимы. Задавленные ворохом собственных проблем, они в спешке паковали личный скарб и прятали его под «родовую притолоку» или в подпол.

Надо сказать, их участь и в самом деле была незавидной. Ухабистые сапожки маэстро с коваными набойками и пяточными шпорами давили всех, кто не успел шмыгнуть с вещмешком в «благословенную» Турцию или присосаться к недроизымающим компаниям на стадии дележа.

Кто-то скажет, что автор наговаривает на постсоветскую действительность, и ничего особенно дурного в годы перестройки не случилось. Ну покончила жизнь самоубийством

дивная поэтесса военного времени Юлия Друнина. Ну обрушилось на 99,99% советское тягловое машиностроение. Ну и что? Ну пощипала перестройка государственные границы, а российская смертность превысила (да как!) советскую рождаемость... Делов-то!

И всё-таки оскоплённая, оторванная от корней, деморализованная злобной доктриной Даллеса Россия сохранила от поругания главное – драгоценный славянский геном. Тот легендарный геном, который вёл вперёд русичей через многие необоримые тверди. Тот самый геном, в котором Господь разместил будущее всего человечества, предупредительно сокрыв этот факт от мародёрства и потребительского знания тайной завтрашнего дня.

ЧАСТЬ 1.

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ СУДЕБ

1. Ночная переделка

1992-й год. Москва. Ясная майская ночь на двадцать четвёртое по календарю. Степан шагает по гулкому коридору Большой Ордынки, пританцовывая и загадывая количество шагов до очередного фонаря. Случайный прохожий, окажись он рядом, наверняка бы решил, что праздный гуляка пьян или, на худой конец, влюблён. Но улица была пуста, и полуночное дефиле тридцатидвухлетнего бесшабашного москвича (приезжие так себя не ведут) оставалось никем не замеченным, если не считать любопытных переглядов бессонницы за мутными занавесками чёрных окон...

– Сволочи! – Из переулка шагах в двадцати от Степана вырвался сдавленный мужской голос, сопровождаемый сопением и глухими ударами.

Стёпа бросился на крик стремительно, будто ждал случая проявить в ночи мужскую доблесть и благородство. Три сопляка повалили огромного мужчину средних лет. Двое добивали жертву ботинками, третий шарил в большом коричневом портфеле, из-за которого, видимо, и случилась грызня.

– Бабло!.. – заорал пацан, сгибаясь пополам над шоколадным трофеем. – Слышь, стручки, бабло! Рвём!

Он уже привстал и готовился бежать, но в этот миг Стёпа размашистым апперкотом снёс парня, выхватив на лету добычу.

– Ах ты, су... – Один из двух «степистов», мнущих здоровья, прыгнул в ноги рослому Степану.

Сверкнул нож. Стёпа отскочил на шаг и ударом тяжёлого портфеля прибил нападавшего стручка к асфальту. Бросив портфель в сторону, он схватил парня за руку, ловко вывернул кисть и заставил отпустить нож.

– А-а! Руку сломал! – взвыл пацан, перекатываясь по асфальту.

Третий подельник хотел было бежать, но страх так сильно сковал беднягу, что тот медленно сполз по стене дома и, как подрубленное дерево, цепляясь ветвями рук за выступы фасада, повалился на тротуар. Он так и остался лежать, наблюдая за Степаном глазами, полными щенячьего подросткового ужаса. От парня во все стороны поползло тёмное сырое пятно, посверкивая на ещё незатоптанных бугорках новенькой, укатанной накануне асфальтовой крошки.

Степан протянул руку пострадавшему мужчине, предлагая подняться.

– Пойдёмте, – сказал он, сдерживая волнение, – кто знает, сколько их ещё.

Мужчина, кряхтя и держась за стену, поднялся, нелов-

ко перешагнул мокроту несостоявшегося мачо, отыскал глазами портфель и торопливо поднял его. Затем, опершись на руку Степана, сделал шаг в сторону перекрёстка:

– Пойдёмте. Кажется, вы меня крепко выручили.

Стёпа окинул прощальным взглядом поле сражения и, поддерживая помятого великана под руку, зашагал прочь. Один раз ему всё же пришлось обернуться. Пацан, рывшийся в портфеле, рывками, как повредивший лапу волчонок, уползал в темноту переулка и жалобно выл:

– Бабло, бабло хиляет...

Они шли по пустынной Ордынке. Спасённого мужчину то и дело рвало. Каждый раз, вытирая платком лицо, он виновато поглядывал в сторону Степана и говорил:

– Простите, не знаю, что со мной.

– А я знаю! – улыбался в ответ его спаситель, пытаясь расштопать неловкость момента. – Вы поскользнулись, упали, к вам подбежали пионеры, хотели втроём поднять дядю. Тут явился я и, как всегда, всё испортил!

– Я не могу идти. – Мужчина присел на выступ фундамента и вытянул вперёд правую ногу. – Кажется, они мне повредили коленку.

– Спокойно, концентрируем внимание! – Степан взмахнул руками, превратив ладони в источники положительной энергии. – Абра-вибра-таксомоторра!..

Действительно, буквально через пару секунд со стороны метро «Третьяковская» вынырнула машина с зелёным

ОГОНЬКОМ.

– Что я говорил! – Степан приветливо махнул рукой кому-то в небе. – Едем ко мне, вас надо привести в порядок.

Расположив спутника полулёжа на заднем сиденье, он подсел к водителю. В это время метрах в ста от машины из переулка вывалилась на пустынную «тропу войны» толпа пацанов. За головами первых Степан увидел одного из трёх битых стручков. Сверкнули металлические прутья.

– Мобильные ребята, – присвистнул он и, обернувшись к водителю, с ленцой в голосе добавил: – Шеф, видите вон ту группу подростковой молодёжи? Да-да, именно ту, с фрагментами металлической ограды? Лично мне они напоминают ваганьковский бюст Япончика, расколотый и розданный братве на сувениры.

– Мне тоже! – хохотнул таксист.

– Однако нам пора. – Степан заметил, что толпа развернулась к машине. – Большая Татарская, двадцать. Гони!

Такси взвизгнуло протекторами и, набирая скорость, угрожающе двинулось навстречу ораве молокососов, запрудивших Ордынку. Не ожидая атаки, те шарахнулись в стороны, и «абра-вибра-таксомоторр» беспрепятственно промчался сквозь стрельчатый кордон металлических прутьев в сторону Серпуховки.

– Наш человек! – Степан одобрительно хлопнул таксиста по плечу. – Жизнь продолжается, господа присяжные заседатели!

2. Греко-славянская Пандора

В начале повести автор уже упомянул, что ночное приключение Степана пришлось аккурат на печально знаменитые годы перестройки, ознаменовавшие начало многолетнего периода деградации и распада величайшей межнациональной корпорации – Союза Советских Социалистических Республик.

Пройдут десятилетия перед тем, как историческая наука, не оглядываясь на сиюминутные идеологические фетиши, определит внутренние причины и главный смысл этого великого разрушения.

«Спасайся, кто может! – отовсюду слышался в то время гул воздушных масс. – Ты один. Твоя родина – только ты сам, твой дом и твоя семья. Товарищи, коллеги по работе – представители других стран и цивилизаций. Их интересы отличны от твоих. Помни об этом!..»

А теперь представьте: добродушных, доверчивых, отвыкших от социальных битв советских граждан в одночасье лишили всех правовых и моральных норм, которыми они руководствовались и на основе которых выращивали собственное будущее.

Над страной взметнулся флаг перестройки!

Под сенью флага ложились на дно и переходили в лапы крысятников и заведомых бандитов пахотные земли, заво-

ды-гиганты, природные недра. В конце концов представителям «новой экономической концепции» открылись двери государственного аппарата.

Беспредел творился прямо на глазах.

Граждане, затравленные калейдоскопом событий, долгое время не понимали главного: круизный лайнер, на котором добропорядочные россияне вышли в житейское путешествие, тонет и надо срочно учиться плавать не в корабельном бассейне на верхней палубе, а в открытом море.

Наступило время странных внутриутробных несоответствий.

Одни женщины рожали покладистых рабов, другие – будущих циничных хозяев жизни. Люди не анализировали причины случившейся метаморфозы. Выдохнув подступившую горечь и обматерив обещанное грядущее «великолепие», они меняли рабочие места за пультами синхрофазотронов на душные палатки по реализации женских колготок и прочей мелкотоварной снеди.

Заложив за кусок марокканских куриных потрошков честь и достоинство гражданина великой страны, миллионы замордованных homo soveticus приняли рабство как вынужденную трансформацию прежних «тоталитарных» обстоятельств.

Следует сказать, что не все смогли или захотели вписываться в новый капиталистический порядок жизни. Но в целом безоговорочное подчинение государственной воле, вос-

питанное в человеке за семьдесят лет советской власти, сыграло на руку нарождающейся постсоветской, иначе говоря, российской (хотя какие они русские?) буржуазии.

Обманом и подкупом (порой ваучер шёл за бутылку водки!) «национальные» Остапы подчинили своим интересам всю советскую ойкумену. Началась большая, скрытая от посторонних глаз работа – делёжка социалистической собственности. Распилили всё. Распилили бестолково и нахраписто. Так по преданию на Голгофе римские стражники-головорезы делили, разрывая на части, одежду Спасителя.

А Россия, как мать Богородица, стояла подле креста, на котором был распят её Сын – светловолосый русич – и в Его лице российское государственное будущее, и тихо плакала.

В ответ на её материнские слёзы кто-то скажет:

– В Советском Союзе было много управленческих изъянов и государственного бездушия!

Это действительно так.

Но, согласитесь (по прошествии более четверти века, наверное, можно делать первые выводы): то, что явилось результатом так называемой перестройки, оказалось гораздо хуже.

Если мы задумаем создать в программе «Фотошоп» образ тех дней, то в нижние слои изображения нам следует поместить стенограмму стихийного и внутренне злобного разрушения. Обернув лукавые помыслы сладковатой демократи-

ческой обёрткой, новая Брынцаловская¹ «таблетка счастья» побуждала доверчивых граждан Советского Союза к беспричинному веселью и необдуманым коммерческим поступкам.

Впрочем, забавное слово «коммерция», казалось, не таит в себе ничего плохого. Надо пробовать и рисковать – тогда тебя, как в беспроигрышной лотерее, обязательно ждёт выигрыш! Откуда было знать миллионам новоявленных горе-коммерсантов, что на капиталистическом поле чудес ждут своих правообладателей не только миллионные выигрыши, но гораздо большее число столь же крупных проигрышей. А как иначе? Миллиончики не растут из ничего! Без прибыли никакого поля чудес не бывает. Чтобы отдать миллион, надо отобрать два.

---

¹ Брынцалов – в прошлом фарма-король и кичливый обладатель золотого унитаза, одна из наиболее одиозных фигур времён перестройки.

3. Степанов мебельный салон

Обхватив портфель и отчаянно цепляясь свободной рукой за громоздкие деревянные перила бесконечно долгого лестничного марша сталинской пятиэтажки, мужчина следовал за Степаном. Несколько раз Стёпа предлагал помощь, но всякий раз получал вежливый отказ.

– Ну и правильно, – заключил он, принимая эпическое выражение лица, – на мелководье спасение утопающего – личное дело его собственных рук. Если увидел чайку, надо не мешкая встать на четвереньки, упереться руками в дно и ползти к берегу. Главное – правильно выбрать направление!

– Будет вам смеяться, – улыбнулся мужчина, – лучше примите портфель. Деньги – штука тяжёлая.

Они поднялись на третий этаж и вошли в опрятную коммунальную квартиру. Некогда просторный коридор, уставленный раритетными шкафами и тумбочками, напоминал мебельный зал антикварного магазина.

Прихожая расходилась на два отдельных коридора. Один вёл на кухню, другой – куда-то в глубину квартиры, видимо, в ванную комнату. Особый запах старой мебели свободно гулял по узким проходам между глухими и стеклянными фасадами изящных гардеробов.

– Это всё моё! – опережая вопросы, сказал Стёпа. – Не мо-

гу ничего с собой поделаться, как увижу что-то старое, бегу занимать деньги.

Он встал на цыпочки и глянул поверху невысокого шифоньера.

– А-а, вот и мои девоньки!

В дверях, расположенных напротив друг друга, показались две сморщенные старушечьи головки. На одной из них пестрел расшитый бисером голубой сатиновый платочек, на другой возвышался старомодный чепец пронзительно белого цвета. Держался чепец на двух шёлковых лентах, завязанных в узел под подбородком.

– Разрешите представить, Авдотья Эрастовна, – Степан сделал реверанс в сторону старушки в сатиновом платочке, – и несравненная Пульхерия Модестовна!

Он подал руку старушке в чепце, и та, нимало не смущаясь, вышла в своей длинной белой ночной рубашке на середину коридора и обратилась к гостю в дверях:

– Вы чаю будете?

– Пульхерия Модестовна, вы великолепны! – дружелюбно захохотал Степан и вдруг принял серьёзный и даже несколько растерянный вид. – Дружище, а ведь мы с вами даже не познакомились. Я не представился, не предложил сесть, вам же больно стоять! Вместо элементарного человеколюбия устроил цирк. Прошу меня простить. – Он протянул руку: – Степан.

– Георгий, – ответил мужчина, пожимая Степану руку

и одновременно оседая на предложенный табурет.

– Пока готовится чай, я провожу вас в ванную. Вам надо тёплой водой хорошенько смыть признаки асфальтовой болезни и переодеться. Здесь у меня куча одежд брата, он такой же, как вы, толстый, могучий и, наверное, умный. Пойдёмте.

Несравненная Пульхерия Модестовна приготовила чай на изящный старорежимный манер. Она любовно накрыла стол на две персоны, разложив ложечки, щипчики для сахара и всевозможные розетки для варенья, мёда и орехов. Не признавая чайные пакетики, старушка заварила из смородиновых листьев ароматный чай цвета чеховской вишни. Накрыла заварной чайник забавной ватной куклой и рассыпала по вазочкам недорогие конфеты и пастилу. Когда всё было тщательно приготовлено, она что-то шепнула Степану на ухо. «Хорошо-хорошо», – ответил ей Стёпа. Затем Пульхерия Модестовна лёгким наклоном головы попрощалась с гостем и вернулась в свою комнату.

Георгий, переодетый в чистую добротную одежду, походил на благополучного буржуа, спустившегося из рабочего кабинета в гостиную на зов распорядителя чайной церемонии. Он ещё прихрамывал, но повреждённая коленка после ванной процедуры вела себя вполне прилично. Единственное, что его по-настоящему беспокоило, – синяки на правом боку, вздувшиеся после ударов ботинками. Ботинки были, видимо, с металлическими набойками, потому что, кроме

синяков, на коже остались царапины. И это несмотря на велюровый пиджак и плотную фланелевую рубашку.

– Георгий, давайте на «ты», в бою так проще! – улыбнулся Степан, наливая гостю чай.

– Какой из меня вояка, писарь я мелкотёртый. Кроме кисточки да ложки, никакого другого оружия в руках и не держал.

– Художник, что ль?

– Вроде того. А вы... простите, а ты?

– Я? Да я и того хуже. В советское время служил журналистом. Как скинули с социалистического броневика батьку Ленина со всем его учением, подался было по совету Бендера в управдомы. Но в ихнем капиталистическом общежитии место мне нашлось только в гардеробе. Стал я всякой сволочи польты подавать. Они мне чаевые суют, а я не беру. Один раз, правда, попробовал, больно жрать захотелось, так совесть желудком пошла. Облевал я, прости, Господи, евойного песца по самое немогу. Тот в скандал, вцепился, как клещ, во всю грудь. Во, думаю, гад! Меня моей же блевотиной и перепачкал! Я ему говорю: «Отойди, дядя». Не понимает. Ещё раз говорю: «Отойди, родной!» Не понимает. Третий раз повторяю, но уже со всего размаху. Падает, кричит. Ну, все ко мне. А меня уже разобрало. Тут теннисный мячик подвернулся. Схватил я его, поднял руку и ору: «Стой, мразь постсоветская! Взорву всех на хрен!» Так, не поверишь, попадали от страха, друг за дружку попрыгали, ну прям как

сардины, ежели косяк затралить! Противно стало. Плюнул я на их сытый гардероб и ушёл. И теперь... Разрешите представиться: лишний человек. Ни работы, ни друзей, полна горница старух. На их чаевые и живу. Знаю, что похоронные, ан не рвёт, как от тех новороссийских соплей, – загадка!

Степан откинулся на спинку стула и облегчённо выдохнул.

– Ну вот, как перед Богом исповедался! – он хитро улыбнулся.

– Выходит, я жирую там, где ты лапу сосёшь? – задумчиво произнёс Георгий. – Я, Стёп, церковный художник. При Советах жить трудом на церковь – нельзя было и думать. Теперь – пожалуйста! Кстати, вон в том портфеле, – Георгий указал на коричневое пятно, брошенное в прихожей возле мусорного ведра, – двадцать четыре тысячи рублей. И хотя по большей части это не мои деньги, ты можешь ими распорядиться, как своими. Добыл их ты, значит, они принадлежат тебе.

Георгий умолк и занялся новой порцией чая.

– Вроде как контрибуция, что ли? – ухмыльнулся Стёпа.

– Ну да, вроде того.

– Э-э, нет! Эдак мы до людоедства дойдём, ежели будем друг на друга как на добычу смотреть. А потом, Егор, – ничего, если я так, по-простому? – ты же сам их спровоцировал. Шляться ночью по голодной Москве со сладким пирогом! Да тут не то что зверя, тут человека можно до зверя раздра-

нить. И ещё. Бандит – точно такой же продукт эволюции, как и ты, только ты художник и получил в наследство от Фидия нюх на красоту, а он получил от Бендера или самого Соломона нюх на деньги. Чему ж тут удивляться?

– Степан, давай святых не трогать. У них с миром свои расчёты.

– Прости, увлёкся. Э-э, да ты спишь! Звони, чтоб тебя не ждали, – и баиньки. Пойду постелю.

– Да мне, собственно, звонить-то некому. Живу один, как Фидий.

– Как и я! Несуществующий журналист несуществующей газеты в уже несуществующей стране. Брр! Во ляпнул, врагу не пожелаешь...

4. Досье на жертву перестройки

Степан сказал Георгию сухую правду. По окончании МГИМО за накопившиеся «дисциплинарные заслуги» перед отечеством выпускник факультета международной журналистики Росинский Степан Владимирович был распределён куда подальше от вожделенной заграницы, и на несколько лет обосновался внешкором в Ивановской областной газете.

Подступало «светлое будущее», все говорили о необходимости перестройки, гласности, демократии. Журналистскую братию трясло от профессионального предвкушения великой смуты. Редкие трезвые умы с опаской поглядывали на собратьев по перу, пьянеющих от запаха свободы. Никакой чёткой доктрины будущих хозяйственных связей попросту не было.

Политическое переустройство страны мыслилось от противного. Все в один голос твердили «Демократия!», мало понимая, что это лукавое слово способно демонтировать спасительное для русского менталитета понятие «вертикаль власти».

Несмотря на прошлые поведенческие ляпы и мелкие экзерсисы студента-демократа, Степан оказался одним из немногих крохотных порогов на пути разбушевавшегося в годы перестройки демократического селя. В стране барра-

жировал 1991 год. Вожди взбирались на танки, интеллигенция в очередной раз неистовствовала на ниве псевдонародничества, а народ глухо шептался по кухням и накапливал злость фактически на самого себя.

Люди фундаментального склада ума как-то вдруг стали не нужны ни стране, ни корпоративным интересам большого производства. Умело подготовленная либеральными политехнологами смена власти потянула за собой в трясины неведомой никому перестройки тысячи хозяйственных нитей и личных судеб.

Областную газету, где подрабатывал Степан, закрыли за ненадобностью. Не получив даже расчёта по накопившимся гонорарам, Стёпа вынужден был вернуться в Москву. Однако столица, продуваемая ветрами всех направлений, не очень-то обрадовалась его возвращению. И хотя молодой журналист считал себя профессионалом в политических вопросах (как-никак МГИМО за спиной!), он ничего не понял в новом московском миропорядке.

Казалось, несурезица новейшего времени вот-вот лопнет, как мыльный пузырь. И тысячи челноков с высшим образованием, побросав в священный костёр интеллектуальной инквизиции коробки с колготками и памперсами, вернутся на своё рабочее место, заварят крепкий кофе и продолжат поиски научных истин.

Увы.

Точно так тысячи русских интеллигентов, бежавших

от Советов в первые годы пролетарской диктатуры, ждали со дня на день крах нового российского порядка. Многие даже не распаковывали вещи...

Природа человека лишь в малой степени предсказуема. Порой она необорима, как небесная твердыня, и готова даже на костре воскликнуть: «А всё-таки она вертится!»

Но бывает, стадное чувство самосохранения заслоняет в человеке естественную моральную брезгливость (этакий интеллектуальный осадок эволюции разума), и толпа добродетельных сограждан превращается в единый безликий пипл, которым несложно управлять, и который, по меткому выражению одного из отцов перестройки, «всё схавает».

Степану потребовалось некоторое время, чтобы изжить последние иллюзии и надежды на возвращение прежнего общественного благоразумия.

Вскоре пустота нового российского замысла поглотила его ближайшее окружение и вплотную подступила к границам личности. И тогда Степан занял круговую оборону.

Он выбрал для защиты наиболее эффективный способ действия – погружение в себя. Перебиваясь случайными заработками, наш герой ушёл в «социальное сочинительство». Написал несколько публицистических заметок, пару раз постучался с ними в редакции патриотических газет и, получив странные немотивированные отказы, окончательно захлопнул дверь родной коммунальной квартиры.

Но писать продолжил. Он понимал, что пишет заведомо

в стол, сравнивал свои действия с отчаянной попыткой Робинзона дать о себе знать бутылкой, брошенной в море.

Впрочем, сравнение было не в пользу Степана. В отличие от героя романа Даниэля Дефо, он все свои «бутылки с мольбой о помощи» так и не опустил в волны бушующих обстоятельств. В текстах Степан словно разговаривал со своим будущим читателем, протагонистом всех его горестных дум. Он представлял, как таинственный некто выдвигает ящик письменного стола, достаёт увесистую папку бумаг и начинает читать, бережно складывая прочитанные листы в особую папку с зажимом. Чтение увлекает. И хотя Степана давно нет в живых, строка его текста становится для грядущего читателя путеводной нитью в понимании некогда случившихся событий...

Утешение, которое Степан нашёл в занятиях литературой, вскоре уступило место традиционным угрызениям совести. Он вдруг ощутил внутреннюю ответственность за всепроникающую силу слова.

В прокуренных аудиториях МГИМО и за шторами Миловских интерьеров Стёпа даже не предполагал наличие огромных окон, через которые поздним вечером можно наблюдать звёзды!

Годы обучения были подчинены одной цели – научиться держать удар и опрокидывать собеседника эффектным оксюморонам. В подобной перепалке слово превращалось в бильярдный шар, в безликий аксессуар собственно интел-

лектуальной игры. Теперь же, «отложив кий», Стёпа напряжённо всматривался в то или иное причудливое сочетание графем. Так физик всматривается в ядро материи и пишет цепочки формул, предвидя то, что до поры скрыто в сгустке застывшей, ещё никем не тронутой энергии.

5. Под самое небо

А теперь, как сказывал великий Александр Сергеевич, «займёмся»... главным героем нашего романа – богомудрым иконописцем Георгием. Тем более что пересказ «приключений», выпавших в лихие годы перестройки на долю пасынка «обратной перспективы»², – история поучительная!

В прошлом выпускник знаменитого МИФИ, Егор по распределению оказался в институте Атомной Энергии им. И. В. Курчатова. Подавал серьёзные, наукоёмкие надежды. И всё бы хорошо, но приключилась с ним обыкновенная «хворь» русского интеллигента – болезненный выбор самого правильного жизненного пути.

Западный человек на такое не способен. Родовитость, клановость, наконец семейная традиция – основы западного менталитета. Именно эти качества имеют серьёзные преференции при принятии того или иного решения.

В отличие от европейца, русич с молоком матери впитывает интернациональное (нерациональное!) чувство ответственности за всё происходящее на Земле. Ему ничего не стоит поступиться собственными интересами ради всеобщего блага. Он с лёгкостью оставляет наезженную житейскую колею и переступает на зыбкую трясику околицы. Почему? Да потому что солнце над околицей встаёт раньше,

---

² Обратная перспектива – способ построения иконописного пространства.

чем над большаком. А раз так, то и светлое будущее над околицей начинается раньше!

Нечто подобное произошло с Егором. Уже «на склоне студенческих лет» ему припомнилось детское увлечение художеством. Стал он срисовывать физиономии товарищей со студенческих билетов. Получалось прикольно! Выстроилась целая очередь желающих получить «документальный» портрет от лучшего художника на курсе! Егор никому не отказывал и с каждым новым «портретом» всё более удивлялся возможности карандаша оставлять на листе бумаги затейливый житейский следок. Как-то вечером, возвращаясь домой, забрёл он в обыкновенную районную изостудию. Поговорил, показал рисунки – приняли.

Вскоре ему «открылось», что искусство – его главное и окончательное предназначение. С лёгкостью гения Георгий поставил крест на аспирантуре, уволился из Курчатника и, как в омут, нырнул в незнакомое пахучее художество, имея за плечами неоконченный курс рисования студийных гипсов и пару одобрительных отзывов преподавателя изостудии.

Следует сказать, что быть гением – внешне привлекательная, но необычайно трудная «профессия». Мало кто из собеседников может понять и оценить мысль гения, выходящую за рамки обыкновенного житейского понимания. Вспомним позднего Рембрандта. Пока его живописный гений возрастал и формировался, Рембрандт Харменс ван Рейн под ру-

коплескание толпы был вознесён на Олимп голландского искусства. Но лишь развитие Рембрандта вышло за общепонятные рубежи, сытые голландские бюргеры – заказчики и «ценители живописи» – отвернулись от стареющего гения и предали его осмеянию. Подобных примеров много. Ван Гог, Марина Цветаева, Сервантес...

Однажды приятель пригласил Егора в круиз на пароходе по Северному речному пути. В ответ Егор нахмурился и поначалу думал отказаться: ему не хотелось прерывать начатый курс натурного рисования. Однако товарищ был настойчив, пришлось из уважения к дружбе согласиться.

Так будущий иконописец оказался в Кирилло-Белозерском монастыре. На стене одной из надвратных церквей он увидел древнюю фреску. Это было изображение Богородицы с Младенцем. Образ Божией Матери, рисунок Её рук, обнимающих Младенца, пластика ладоней, изгиб пальцев поразили новоявленного пилигрима. Такого рисования он не знал. И так как все процессы совершались в Егоре на повышенной скорости, в тот же день он «заболел» древнерусской иконографией! Вот оказия! Окольным северным путём Господь привёл нашего героя к церковному художеству. Древняя каноническая живопись, её философия и метод построения изображения по правилам обратной перспективы оказались в сильнейшем резонансе с его внутренним художественным чутьём.

Когда Егор писал натюрморт или рисовал натуру, он

не испытывал того внутреннего восторга, каким Господь награждал его, как только он подступал к церковному изображению. Первое же знакомство с канонической живописью подарило ему радостное чувство личной творческой свободы. Ещё ничего толком не понимая в иконописании, он уже знал главное: где кончается изображение этого мира и где начинается настоящее горнее художество. В музыке подобная способность называется абсолютным слухом.

Не удивительно, что продвижение Егора по извилистой иконописной вертикали походило на феерическое восхождение пророка Илии в огненной колеснице. То, что иконописцы постигают годами, он обретал за считанные месяцы.

По возвращении из путешествия по северной Фиваиде³ Егор занял деньги, купил путёвку и улетел в Турцию, в город императора Константина – Константинополь, ныне переименованный турками в Стамбул. Улетел ради одного шага – взглянуть на величайший храм всех времён – Святую Софию Константинопольскую. Он хорошо знал Софию, изучил её по сотням фотографий и восторженных описаний, но то, что довелось увидеть своими глазами, превзошло все его догадки и предположения. Он увидел само небо! Как турки ни старались унижить Софию, как ни срывали позолоту, как ни вешали свои назойливые акбары, они ни на йоту не прибли-

---

³ Северная Фиваида – поэтическое название северных русских земель, окружающих Вологду и Белозерск. Появилось как сравнение с древнеегипетской областью Фиваидой, известным местом поселения раннехристианских монахов-отшельников.

зились к цели.

«Принизить Софию невозможно!» – в слезах повторял Егор, оглядывая её небесное великолепие.

Так «профессиональная участь» Егора была решена – бес-срочный и пожизненный иконописец!..

6. Лестница в небо

Наступило утро. Степан взялся угостить Егора настоящим бразильским кофе.

– Ваши планы? – спросил он, отслеживая пенку.

– Мне надо в храм. Вы, милостивый государь, отказались взять деньги. Значит, мне следует отнести их по назначению и раздать художникам.

Степан резко обернулся к Егору.

– А если бы я принял положенную мне контрибуцию, что бы вы, милостивый государь, делали тогда?

Он сделал шаг вперёд, предлагая гостю сесть.

– Пошёл бы в банк и оформил ссуду.

– За проценты?!

В это мгновение коварная бразильская смесь, как вулканическая лава, вырвалась за пределы кофеварки и... Стёпа бросился к плите. Егор с любопытством наблюдал, как сто граммов латиноамериканского порошка повергли в трепет бесстрашного героя ночной переделки. Когда остатки кофе были спасены и разлиты по чашкам, Степан продолжил разговор:

– Возьми меня! Нет, правда, возьми меня с собой, – казалось, он спрашивал и о чём-то одновременно думал. – Я – худой материалист, в смысле, хороший безбожник. Но в последнее время со мной происходят странные вещи. Иду, чув-

ствую, будто ветер в спину. Что такое? Гляжу – впереди церквушка посверкивает. Подойду, постою у ворот и иду дальше. Неловко зайти. Внутри-то весь чужой. А как отойду метров сто, ветер давит грудь и говорит: «Стой!» Нелепо как-то. Что скажешь?

Егор посмотрел на Степана, с минуту подумал и ответил: – Правда смешной не бывает. Или ты всё это придумал, или тебе вправду нелепо, а признаться в этом страшно. Ты – человек сильный, страхам волю не даёшь. Но за всякое насилие, тем более за насилие над самим собой, нормальному человеку становится так или иначе неловко перед Богом, даже если он считает, что Бога нет. Это как кичиться силой в присутствии силача.

– Ого! Будет о чём поговорить за рюмкой чая! – Степан откинулся на спинку стула. – Ну так что, берёшь?

– Едем.

Они вышли из метро «Арбатская» и направились в сторону Калининского проспекта, переименованного нынче в Новый Арбат. Под огромной, ультрасовременной по тем временам многоэтажкой ютилась древняя пятиглавая церковка. Купола, крашенные в зелёную строительную окись хрома, сверкали на солнце. Белёные стены празднично выделялись на сером фоне городской застройки.

Честно говоря, благополучие церковного фасада казалось в то время непривычным городским новшеством. Ещё стояли в руинах сотни столичных монастырей и приходских хра-

мов. Ещё свобода вероисповедания казалась некоей анти-социалистической новинкой. Люди с опаской и тайной надеждой на некую помощь входили в только что открывшиеся церковные створы. Переступая порой по грудам кирпича и битой штукатурки, они ставили к иконам свечи и что-то тихо шептали, вглядываясь в лик святого, едва видимый сквозь почерневшие слои олифы.

Дух Божий, выпущенный из мирского плена, «собирался с силами» и приступал к исполнению своего главного назначения – утешению слабых и гонимых российских граждан, тех, кого маховик перестройки выбросил на улицу, не позаботившись об элементарном продолжении человеческой жизни.

Да, трудное было время.

И всё же, несмотря на испытания, тяготы и нестроения, худа без добра не бывает. Как явление обратного тока в проводнике, годы перестройки отмечены небывалым подъёмом человеческого самосознания и благородства. В отличие от нынешнего рачительного поколения «жрецов святой Троицы», священники перестройки шли на церковное служение как на баррикады. Им вслед тысячи прихожан-добровольцев, не жалея сил, выносили из храмов горы мусора, разбивали капитальные стены и перегородки, оставшиеся в наследство от светской «утилизации» церковного пространства. Работали бесплатно, весело, с надеждой на лучшие дни, когда дух и совесть вытеснят из человеческого сердца злобу

и завись к ближнему своему.

– Нам сюда.

Егор перекрестился, открыл дверь и переступил порожек.

– Запоминай, – добавил он, обернувшись, – храм преподобного Симеона Столпника.

– Преподобного Симеона Столпникова, – повторил Стёпа.

– Да не Столпникова, а Столпника. Столп, понимаешь?

– Насчёт «понимаешь» это ты круто, – пробурчал Степан и произвёл на уровне груди какие-то полумагические движения сначала, как и положено, правой, а затем почему-то ещё и левой рукой.

Покончив с «приветственным перстосложением», он облегчённо выдохнул и последовал за Егором.

Полумрак трапезной залы, аромат кадящего ладана и тихие шёпоты прихожан необычайно сильно подействовали на Степана. Честно говоря, он оказался в действующем храме впервые. И не то, чтобы церковное пространство ему было совершенно незнакомо. Много раз с друзьями-однокурсниками МГИМО, влекомый профессиональным любопытством к собственной истории, он бродил под гулкими сводами кремлёвских соборов, по музейным залам Кирилло-Белозерского монастыря. Но внутреннее «достоинство всезнающего журналиста» не позволяло Степану почувствовать духовный аромат, который излучали древние стены. Сквозь облупившуюся поверхность вековых кирпичных монолитов до него не долетали звуки давно умолкнувших литургий.

А святые образы, написанные на стенах, Степан рассматривал как забавные исторические картины. Его не трогали их божественные лица, вернее, лики, расцарапанные, поблекшие, но не потерявшие главного, что вложили в них древние живописцы, – молитвенного дерзновения.

И вдруг отсутствие «религиозных предрассудков» и вера в собственную интеллектуальную значимость пошатнулись и на глазах рассыпались, как потревоженные картонные пазлы. Над ним будто разверзся древнехристианский литургический призыв: «Оглашенные, изыдите!»

Ничего подобного Степан не ожидал. Не чувствуя ни аромата благовоний, ни приятной свежести работающего кондиционера, он бросился к двери и буквально вывалился наружу.

Минут пять Стёпа приходил в себя. Кровь стучала в висках, руки не слушались и походили на две переломанные жердины. «Не дури, паря. Повернулся и пошёл обратно!» – приказал себе Стёпа и на автомате повторно вошёл в дверь.

– Ты куда пропал? – удивился Егор. – Пойдём, покажу главное.

Он вывел гостя из трапезной в четверик. Всё храмовое пространство было уставлено металлическими строительными лесами. Деревянные лестницы призывно переводили взгляд с яруса на ярус и, как змейки, поднимались вверх под самый купол. Четыре нешироких оконных проёма наполняли храм тихим рассеянным светом, сквозь который

можно было разглядеть фрагменты живописи на своде. Всё это придавало пространству четверика неземное очарование, а строительные конструкции воспринимались как части некой космической матрицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.